

АННА **И** СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

**СМЕРТЬ
В ИЗУМРУДНЫХ
ГЛАЗАХ**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л64

Редактор серии *А. Антонова*

Дизайн обложки *С. Курбатова*

Литвинова, Анна Витальевна.
Л64 **Смерть в изумрудных глазах / Анна и Сергей Литвиновы.** — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-226622-5

Прасковья считает себя дурнушкой. Она предана мужу, обожает животных и думает, что жизнь — это только работа и дом. Но случайно знакомится с музыкантом-неудачником, и ее представления о счастье кардинально меняются...

Журналист Дима Полуянов давно не ездил в командировки, но сейчас не мог не откликнуться и отправился в Мурманск по тревожному письму. Однако социальный очерк о проблемах в семье и школе неожиданно обернулся расследованием целой цепи жестоких преступлений. И неприметная женщина-грумер Прасковья, похоже, имеет к ним самое непосредственное отношение...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-226622-5 © Литвинова А.В., Литвинов С.В., 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Он любил, когда звезды и ночь.

Поселок спит, на улицах и во дворах тишина. Даже собаки не лают. Привыкли за много лет, что каждый четверг он проходит мимо. И знают: если выигрывает, всегда мурлычет себе под нос.

За преферанс компания садилась в десять вечера, пульку расписывали длинную, поэтому редко получалось возвращаться раньше двух. Воздух в это время особенно свеж и луна сияет ярче, чем тусклое уличное освещение. Идешь один, видят тебя лишь небесные светила, а в голове веселый бардак из непойманного мизера и восьми взяток на тройных распадах.

Конечно, он не обратил внимания, что за ним наблюдают. Не увидел настороженных глаз в щели забора. А когда зашипела рация, был метрах в десяти и тоже ничего не услышал.

— Прощел, — коротко сказал наблюдатель.

— Принял, — ответил его собеседник.

Ни единой машины, ни одного прохожего. В поселке принято вставать рано, да и ночных развлечений не имелось.

Он приблизился к федеральной трассе. Пешеходный светофор на ночь отключали, и, хотя фары светили совсем в отдалении, надеяться на сознательность водителя

не стал. Лучше пропустить. Мотор ревет надсадно — именно такие потом на суде оправдываются, что «не заметили человека на переходе».

Сделал шаг назад — судя по скорости, лихач и с управлением может не справиться.

Сразу вспомнилась дочка. В груди защемило.

А дальше — всплеск фар прямо в лицо. Звезды с неба посыпались, луна грохнулась, ослепила, боль совсем мимолетная — и вот он парит, парит в теплой тьме. Успел почувствовать, как сладко пахнет сиренью. А дальше все потухло.

Машина, «уазик» без номеров, резко сдала назад и продолжила сумасшедшую гонку. В домах поблизости загорались огни, хлопали двери. Люди наконец проснулись, бежали к нему. Но он их уже не видел.

* * *

Местные в сувенирный магазинчик не заглядывали, а туристы сползались после полудня, поэтому продавщица весьма удивилась, когда в девять, едва открылись, вошла девчонка. Лет десяти, бледненькая, по виду своя, мурманчанка. Выглядит прилично, но когда товары в открытом доступе, глаз спускать нельзя.

Продавщица неохотно отодвинула кофе, встала навстречу:

— Что тебя интересует?

— Где у вас шоколадки?

Разных сладостей, с ледоколом «Ленин» или видами Териберки, у них целый стеллаж. Но цены, понятное

дело, на приезжих рассчитаны. А девчуле местной зачем сувенирная продукция? Если сладкого захотелось, так в супермаркете через дорогу можно втрое дешевле купить.

Хотя с продаж процент, продавщица честно предупредила:

— У нас недешево. Может, тебе в «Пятерочку»?

— Я сама знаю, куда мне лучше, — ответила грубо.

И хватает две самые большие, по тысяче.

— Эти горькие.

— А, тогда не подходит. Мне сладкие нужно.

— Тогда вот. — Показала на молочный.

— Он точно самый сладкий?

— Конечно! Видишь, всего тридцать процентов какао.

— Беру.

Сначала схватила две плитки, секунду подумала, добавила третью.

Достала было «детскую» карточку, но потом передумала.

— Обычными деньгами заплачу.

— Тысяча двести.

Вынула пачечку аккуратно расправленных сотен и полтинников. Копилку, что ли, разбила? Впрочем, в кассе мелкие купюры всегда нужны, поэтому ворчать, что долго пересчитывать, продавщица не стала.

Девчонка бережно, будто драгоценность, положила шоколадки в портфель.

— Школьную жизнь подсластить? — улыбнулась продавщица.

— Чего?

— Ну ты ведь в школу сейчас?

— А, да.

Не попрощалась, вышла молча.

«Странная», — подумала сотрудница.

И еще больше удивилась бы, увидев, куда отправилась покупательница дальше. Пошла она не в школу, а в сквер с памятником треске. Народу там — только редкие собачники, на дворе ноябрь, короткая золотая осень давно сменилась стойким минусом, ветром и колючим снегом. Девчонка долго брела, пока не отыскала самую уединенную лавочку. Села — прямо на мокрое. Достала шоколадку. Развернула. Понюхала. Долго смотрела — будто сомневалась, есть или нет. Но потом начала глотать — огромными кусками. Почти не разжевывала, давилась, едва закончила с одной плиткой, принялась за вторую. Но совсем при этом не выглядела счастливой девчонкой, дорвавшейся до вкусняшек. Глаза испуганные, дыхание прерывистое. А едва начала третью шоколадку, смертельно побледнела. Губы шевелились — кажется, пыталась звать маму.

Но из горла вырывался только надсадный свист.

* * *

В девять тридцать прозвенел звонок перед вторым уроком. Маша неохотно прыгнула с подоконника в коридоре: пора было идти в класс.

— Че, нету Ольки? — подбежали к ней девчонки из свиты.

Дернула плечом:

— Да не придет она. Я вам сразу сказала.

Даже те, кто не входил в ближний круг, перед заво-
дилой Машей выслуживались. Одна из прихлебательниц
доложила:

— Я классуху спросила: может, заболела? Та говорит:
нет, отец не предупреждал.

— Прогуливать будет, ссыкло. Ну ничего. Все равно
поймаем.

Противостояние между девочками началось первого
сентября.

Пятый класс, учеников зачем-то перемешали, и Оля
Можаяева в новом коллективе никого не знала.

Сразу после линейки отправились — по расписанию —
на физкультуру. Форму в первый учебный день многие не
взяли, и молодой учитель, несмотря на праздник, вклеил
всем пары. А Оле — хотя та тоже без майки-шортов-ке-
дов — поставил «пятерку». И сказал: «Это за вчера».

Маша немедленно потребовала объясниться. Можая-
ева пробубнила:

— Мы с Богдан Михалычем в одном клубе трениру-
емся.

— И че вы там делаете?

— У него и спрашивай! А я перед тобой отчитываться
не буду.

Ну с Машей так говорить нельзя. Схватила обидчицу
за грудки:

— Ты че борзеешь, плесень?!

И тут физрук неведомо откуда подкрался, увидел, заорал:

— Глушенко! Это что такое?!

Отодрал от Оли, поволок к директору. За вызов ро-
дителей в школу в первый учебный день Маше хоро-

шо прилетело, так что участь Можяевой была решена. Маша с тех пор всячески старалась испортить тихоне жизнь. И в буквальном смысле — дать пинка, ущипнуть. Ну и атмосферой, понятно, давила. Маша — тоже спортсменка, с семи лет ходила на дзюдо, ее и мальчишки побаивались, а девчонки — дружно прислуживали. А тут какая-то мышь серая с ней конкурировать взялась.

Еще и Богдан Михайлович масла в огонь подливал. На физкультуре (ни та ни другая больше форму не забывали) вечно девочек стравливал. И нет бы спарринг устроить — тут бы Оля с первого удара кокнулась. А он то их на стометровку вдвоем, то на бег с барьерами. И Можяева всегда Машу уделывала. Даже отжаться смогла на четыре раза больше.

А потом удивлялась: откуда у нее в волосах резинка жевательная и почему в «сменке» то яйцо тухлое, то саморез под стелькой?

Нос краснел, слезы текли. Но не жаловалась. Никогда не жаловалась. И это Машу бесило еще больше.

Наверно, совсем бы сжила Можяеву со свету, да та оказалась не промах. В конце сентября задружилась с Тимохой из шестого «Б». И зацепила школьного красавчика крепко. Тот ее на всех переменках возле класса поджидал, после школы провожал до дома.

Тимоха — второгодник, ему целых тринадцать. Считался неблагополучным — не просто на внутришкольном, а в детской комнате милиции на учете состоял, и чего ему до этой Оли никакушей — совсем непонятно. Но Маше сказал:

— Можяеву не тронь. А то со мной будешь дело иметь.

Пришлось затаиться. По мелочи, если получалось, Глушенко ненавистной Оле чужими руками гадила.

Раньше Тимоха половину уроков прогуливал, но теперь дисциплинированно появлялся каждый день. Вместе с Можяевой.

А в последний понедельник октября не пришел. И по школе поползли слухи, будто в больнице. В реанимации. Сверзился откуда-то с большой высоты.

Оля сидела на уроках заплаканная, а когда стали про ее друга расспрашивать, отрезала:

— Ничего не скажу.

В тот же день их всех собрали в актовом зале. Директор на сцене восседала чернее тучи, а социальный педагог долго распиналась, что, если тяжело, надо к ней за помощью-советом идти, а не искать утешения в интернете или в сомнительном экстриме.

Маша подняла руку, впрямую спросила:

— Так что с Тимохой-то стряслось?

Но толком ответа не получила, поняла одно: лечиться тот будет долго и, может быть, вовсе останется инвалидом.

А раз долго — защиты у Олечки больше нет.

В тот же день (грязный, дождливый) подкараулила в раздевалке, велела кроссовки ей чистить.

— Да пошла ты! — психанула Можяева.

Ну и мигом получила — джеб и апперкот. В живот, чтоб следов не осталось.

Повалилась на пол, а Маша пообещала: «Завтра добавлю».

Забегала за угол, наблюдала: будет ли реветь? Или наконец пойдет жаловаться?

Нет. Встала на четвереньки. Потом поднялась. Молча покинула школу.

И сегодня на уроки не пришла.

* * *

Говорят, когда жизнь заканчивается, ничего увидеть не успеваешь. Только картинки из раннего детства, а потом сразу ангелы. Ну или черти, или вообще ничего — кто во что верит.

А Тима успел углядеть: отчаянное Олино лицо.

И пока падал, получилось за считанные доли секунды подумать: зачем он ввязался во все это? Как мог подругу подвести?

Ударившись о землю, сразу унесся куда-то в черный мрак. Рот словно клеем залит, но он все равно старался, шептал:

— Прости! Прости меня!

И вроде сквозь черноту и холод слезы ее пробивались, капали кипятком на лицо.

Пропадет она без него.

А винить, кроме себя, некого.

* * *

Дима Полуянов успел застать времена, когда письма в редакцию приходили рукописные. Почта и сейчас изредка бумажные весточки подкидывала, но самое свежее и горячее в электронной ящик падало.

К Полуянову обращались часто и большей частью по ерунде, но всю корреспонденцию он по-прежнему про-

сматривал лично. Давно научился максимум по двум первым абзацам составлять впечатление. А примерно одно из ста посланий дочитывал до конца.

Сегодня *золотая рыбка* оказалась под номером семьдесят четыре. Автор, судя по нику (Killedbycarrot¹), из поколения зумеров. Когда увидел, сколько в письме эмодзи (в основном слезок и «я в шоке»), предположил: девочка.

Содержание (нечасто бывает) захватило с первой строчки:

У нас в классе вчера девчонка с собой покончила. Способ выбрала ужасный. У нее диабет, совсем нельзя было сладкое, а она инсулин с утра колоть не стала, вместо этого купила и съела три огромные шоколадки и потом умерла от какого-то там шока.

Полуянов мигом соотнес послание со вчерашней лентой криминальных новостей. Неужели то самое? Трагедия с пятиклассницей из Мурманска?

В школе сейчас полный шухер, типа «Синий кит» снова возродился. Это потому, что Оля дружила с одним типом из шестого «Б», Тимой Квасовым, а тот вроде как разные задания из интернета выполнял. И у них было задумано: сначала он суициднется, а Оля на следующий день. Но я не верю в это. Тима сейчас в больнице. А у нас у всех телефоны отобрали, сказали, что вернут только после того, как дома родительский контроль поставят. Но «Синий кит» точно ни при чем, потому что Олю по факту довела Машка Глушенко. Она ее с первого сентября чморила, а Тимоха

¹ Убитый (-ая) морковкой (англ.).

защищать стал. А позавчера он в школу не пришел и Машка Олю жестко отметела. И пообещала, что дальше будет только хуже. Но никто про это не знает: девчонки, которые с Машкой водились, молчат — и все остальные тоже. А сама Машка хвастается, что, даже если узнают, ей все равно ничего не будет, потому что она маленькая. Приезжайте, пожалуйста, мне очень жаль Олю, а Машка проклятая гадина.

Полуянов задумался.

Тяжелая, безусловно, тема. И раскрывать будет сложно. Убитые горем родители общаться с ним вряд ли станут, да и он не зверь терзать в подобной ситуации вопросами. В школе — особенно если «проклятая гадина» действительно существует — приложат все силы, чтобы не выносить сор из избы. Все валить будут на «Синий кит», тут Олина одноклассница права.

Но способна ли эта (или иная, сменившая «кита» структура) спровоцировать ребенка на страшный поступок?

Диме очень хотелось выяснить.

Да и тема — точно вне политики. Для него это было принципиально.

И — вне криминала (крайне важно для Нади).

Ну и в Мурманске побывать интересно: никогда прежде туда не заносило.

А последний аргумент — находился наконец официальный повод из дома сбежать.

Два месяца назад Полуянов стал отцом.

Беременность у Надюшки распределилась на два диаметрально противоположных отрезка. Первый три-

местр прошел спокойно и даже благостно. Но дальше случилась беда. Митрофанова попала в больницу с отравлением хлороформом. И сколько ни повторяй, что виной всему ее собственное легкомыслие, — трагедия получилась не личная, а *семейная*¹.

Поначалу вердикт врачи вынесли неумолимый: беременность необходимо прервать. Хлороформ — исключительный яд и может вызвать у ребенка непоправимые уродства.

Однако ключевое слово здесь *может*. Исследований на людях, понятное дело, не проводилось, а мышкам иногда везло и потомство у них рождалось здоровое.

И Митрофанова решительно заявила:

— Я буду рожать.

— Надечка, — голос Димы задрожал, — да стоит ли рисковать? Ведь может родиться бог знает что!

— Все равно. Я буду рожать, чего бы мне это ни стоило.

— Да Надечка! Ну перестань. Давай прервем беременность. От греха.

— Ты что, не понимаешь?! — Надин голос сорвался на крик. В глазах заблестели злые слезы. — Мне сколько лет — забыл?! Сорок с хвостиком! Я столько лет ждала, когда ты мне соизволишь ребеночка заделать! Может, это мой последний шанс! Самый последний! И я вот так, на полпути? В кусты? Уйду? Отступлюсь?

— Надя, — Дима и сам чуть не плакал, — да ведь опасно же! Для всех! И для тебя, и для ребенка.

¹ См. об этом: А. и С. Литвиновы, «Красивая женщина умирает дважды».

— Ничего. Я каждую неделю буду УЗИ делать. И если вдруг врачи скажут, что есть опасность, пойду на аборт.

Глядя на то, какая непоколебимая решимость блистала в Надиных глазах, Дима понял, что спорить с ней бесполезно.

Кордоцентез (анализ пуповинной крови ребенка) никаких аномалий не показал, но радоваться было нечему. В их ситуации результат говорил лишь о том, что изначально был зачат здоровый малыш.

Оставалось надеяться: патологии смогут выявить на УЗИ. Их — самого разного уровня, вплоть до максимально экспертных — Наде за беременность делали раз пятнадцать. Перед каждым исследованием она впадала в страшнейшую панику, накануне до утра не могла уснуть, рыдала.

А когда на следующий день говорили, что все в порядке, снова горько плакала. Но не от счастья, а потому что врачи всегда предупреждали: серьезное отклонение они *могут* увидеть в следующий раз.

Да и метод, к сожалению, не всесилен. Слепоту, глухоту и умственную отсталость по УЗИ определить невозможно.

Поэтому к дате родов оба были на взводе. Надька даже объявила, что ходила к нотариусу и составила завещание.

— Господи, зачем? — возмутился Дима.

А она серьезно ответила:

— Если я твоего сына погубила, жить мне незачем.

И как ее вразумлять? Психологов не переносила на дух, от успокоительных, даже валерьянки, тоже отказы-

валась категорически: «Я и так малыша отравила, больше не буду!»

Полуянов и понимал умом, что надо постоянно успокаивать, заверять, что все хорошо будет, но не железный ведь! Был грех: орал. Срывался.

И на родах, как сейчас модно и принято, присутствовать отказался категорически.

А к моменту, когда малыш явился на свет, — еле шевелил языком. Он-то не беременный! И без коньяка эти двенадцать неопределенных и страшных часов вынести бы не смог.

Сын оказался здоров.

52 сантиметра, 3700.

По шкале Апгар 8/9 (шикарный результат для далеко не юной матери).

Митрофанова продолжала трепыхаться, что у сына могут сейчас найти аномалии. Но Полуянов, едва взглянув в голубые и почему-то уже наглые глаза младенца, мгновенно понял: нормальный парень.

Единственная проблема обнаружилась еще в роддоме: пацан у них получился удивительно крикливым. Причем по децибелам, как утверждали медсестрички, намного опережал всех прочих новорожденных. И повода поорать не искал. Раскричаться мог и сытым, и в чистом подгузнике. Ну а если медики распеленывали, чтоб осмотреть, или — совсем кошмар — делали прививку БЦЖ, то впору было даже привычным бежать за берушами.

У Надьки, понятное дело, новый повод для беспокойства: выписку врачи задержали до выяснения причин. Подвергали младенца все новым и новым обследовани-